

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ОПИСАНИЯ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В АКАДЕМИЧЕСКИХ СЛОВАРЯХ

Е. Э. Базаров

Ключевые слова: академическая лексикография, толковый словарь, орфографический словарь, сниженная лексика.

Keywords: academic lexicography, explanatory dictionary, orthographic dictionary, substandard lexis.

DOI 10.14258/filichel(2022)4–03

Не далее чем год назад автору настоящей статьи довелось принимать участие в международной конференции, посвященной проблемам современной лексикографии. В одном из представленных на конференции докладов затрагивались вопросы, связанные с описанием слов сниженной стилистической окраски в «Академическом толковом словаре русского языка» (далее — АТРС), создаваемом в настоящее время в ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. После выступления докладчика возникла небольшая полемика: слушатель (кстати сказать, филолог, человек, в той или иной мере связанный с лексикографией, во всяком случае, интересующийся этой областью лингвистики) возмущенно спросил, может ли и должен ли словарь, имеющий статус академического, содержать в словнике просторечные, областные, жаргонные и т. д. лексические единицы (иными словами, лексику подсистем, стоящих на границе и за гранью литературного языка) и не является ли сам факт включения таких элементов в академический словарь утверждением их в качестве нормативных. Подобное мнение нельзя назвать непопулярным: тезис о недопустимости представления сниженной лексики в нормативных словарях высказывается регулярно, в том числе, как видно, и в научной среде. В рамках данной статьи мы постараемся опровергнуть этот тезис на примере толкового и орфографического академических словарей.

1. Похоже, что выраженное на конференции недовольство по поводу включения в словарь сниженной лексики — явление нередкое и неновое. Так, в 1935 г. на страницах «Литературной газеты» развернулась дискуссия. В статье под хлестким названием «Игруны» в весьма резкой манере критикуется первый том «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова (1935–1940) (далее — СУш). Ста-

тья открывается ироничным вступлением: «„Игруны“ — множественное число от слова „игрун“, что, по уверению редакции „Толкового словаря русского языка“, означает: „шалун, любящий играть, резвиться“. Это, мягко выражаясь, несколько необычное слово применимо и к редакторам „Толкового словаря“, отнесшимся по меньшей мере „шаловливо“ к взятым ими на себя серьезнейшим обязательствам» (К. Казимирский. Аптекарь. 1935, с. 4). Среди многочисленных и, кстати говоря, несправедливых претензий к лексикографам указывается и наличие в словаре слов сниженной окраски: авторы критической заметки пишут «о большом количестве **ругательных и вульгарных выражений** (выделено нами. — Е. Б.), приводимых как в терминах, так и в примерах: «коричневая рвань», «вшивый чорт», «катись колбасой» (то же, что «катись колбаской»), «иродово семя», «а ну тебя!», «кишка тонка», «накося выкуси», «гости все выкурились», «играть на арапа», «киношка», «дербалызнуть», «втяпаться», «втрескаться» (пример в «Словаре»: «втрескаться в блондинку»), «влопаться», «он меня так бабахнул», «довертелся до тюрьмы», «зачем ты вплел меня в эту сферу», «он кочевал из кабака в кабака», «выпить по баночке» и многое другое» [Там же]. Авторы статьи категорично заключают: «Словарь не дает представления об образцовом русском языке. Пронизывающие „Словарь“ образцы мещанского, хулиганского и воровского жаргона, обилие примеров трактирно-рыночного быта делают его словарем отнюдь не того языка, „которым каждый день говорит наша литература, наша печать с миллионами трудящихся“» [Там же].

Д. Н. Ушаков в ответной статье подробно ответил на критику, в том числе и на замечание авторов по поводу большого количества стилистически сниженных слов: «Авторы статьи ухитрились „не заметить“ даже обширной вводной статьи к словарю, занимающей 56 столбцов и озаглавленной „Как пользоваться словарем“. Неудивительно поэтому, что они пользоваться словарем не умеют. Из этой статьи они узнали бы, что имеющиеся в словаре просторечные и вульгарные выражения помещаются в словарь **не для их пропаганды, а для борьбы с ними путем разъяснения их стилистического качества** (выделено нами. — Е. Б.). Так, например, они узнали бы, что если при слове или выражении помещена помета „вульг.“, то это означает, что слово или выражение „вульгарное, по своей бесцеремонности и грубости неудобное для литературного употребления“. Соответствующие разъяснения наставительного или прямо запретительного содержания сделаны и при пометах „простореч.“ (просторечное), „фам.“ (фамильярное), „обл.“ (областное)» (Д. Н. Ушаков. 1935, с. 6).

Действительно, в инструкции к СУш подробно описана содержательная сторона помет, указывающих на разновидности устной речи. Так, помета «разг.» сопровождается объяснением «свойственно преимущественно разговорной речи; **не нарушает норм литературного употребления** (здесь и далее выделено нами. — Е. Б.), но, употребленное в книжном языке, придает данному контексту не книжный, разговорный характер»; помета «простореч.» — «свойственно простой, непринужденной или даже грубоватой устной **речи, не связанной нормами литературного языка, и стоит на границе литературного употребления.** Между прочим, помета имеет **характер предостережения** от употребления слова в книжном языке, а в тех случаях, когда при посредстве ее одни формы противопоставляются другим, вполне литературным, она носит **запретительный характер**»; о помете «обл.» сказано: «Слова местные, или областные, ... в словарь не включаются. Но многие из них широко распространены и полезно поместить такие слова в словарь, однако с указанной пометой, которая для пишущих должна носить **характер предупреждения** о том, что слово может оказаться не общепонятным. Кроме того, эта помета имеет иногда **запретительный характер...**» и т. д. [см. СУш, 1935, XXVI].

Как видно, в СУш, заложившем, по сути, основы традиции толковой лексикографии русского языка, была разработана разветвленная система помет, которая впоследствии послужила остоном системы помет других академических словарей. Ученые неоднократно подчеркивали значимость СУш для всей отечественной лексикографической науки (ср.: «Ни в одном предыдущем и ни в одном последовавшем за тем словаре русского языка не было такой густой сетки помет, характеризующих круг и особенности употребления слов. ... Эти принципы нормативно-стилистической оценки лексики современного языка во многом были несовершенными и противоречивыми, но они оказали самое сильное воздействие на все наши последующие словари, ... сам принцип, впервые широко проведенный в этом словаре, сохраняет свое значение и требует дальнейшего развития» [Сорокин, 1967, с. 23–24]). При этом важно подчеркнуть, что само по себе явление — система помет — не нововведение СУш. Пометы, указывающие на подсистемы, в рамках которых употребляется слово или значение (так называемые нормативно-стилистические пометы), встречаются и в более ранних словарях: например, в «Словаре русского языка», составленном Я. К. Гротом в конце XIX в., содержатся пометы *Народн.* (народное, более в языке простонародия употребительное), *Простон.*, *Простонар.* (простонародное, более простым народом употребляемое), *Простор.* (речение, более употребительное в обы-

денной, простой и разговорной речи), *Простор.*, *Простореч.* (просторечие) и т.д. (см. [Круглов и др. 2015]). Однако именно в СУш последовательно и достаточно подробно раскрывается сущностная сторона помет.

Традиции толковой академической лексикографии отражаются и в АТоСе, создаваемом в ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН (в 2016 г. вышло два первых тома (А — Г) под ред. А.П. Крысина, в настоящее время руководителем словарной группы и редактором словаря является А.Э. Цумарев), что вполне закономерно, поскольку за основу АТоСа взято 2-е издание «Словаря русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой, также известного как «Малый академический словарь» (далее — МАС), который, безусловно, опирался на СУш. Как и в словарях-предшественниках, в АТоСе представлены самые разные пласты лексики: в первую очередь, разумеется, лексика и фразеология современного литературного языка, но также и сниженные (разговорные, просторечные, жаргонные, областные и т.д.) лексические единицы. В инструкции АТоСа указано: «...В словник включены **наиболее употребительные** (выделено нами. — Е. Б.) в современной речи слова просторечного, диалектного и жаргонного происхождения» [АТоС, 2016, с. 9]. Сниженные слова обязательно снабжаются соответствующими пометами (например, *прост.*, *груб. прост.*, *обл.*, *жарг.* и т.д.). В отдельной, можно сказать, программной статье, написанной коллективом составителей словаря сразу после выхода в свет первых двух томов, особо подчеркивается: «Включение в словарь таких лексических единиц **поддерживается традицией** (здесь и далее выделено нами. — Е. Б.) толковой лексикографии русского языка..., информация о них **полезна в культурно-речевом отношении**» [Цумарев и др., 2017, с. 3].

В словник АТоСа введены следующие слова и значения (в некоторых случаях в скобках приводятся иллюстрации из словаря):

- 1) с пометой *разг.*: *алгебра* «школьный урок по этому учебному предмету» (*пропустит алгебру, после алгебры у нас биология*), *безнал* «безналичные деньги, безналичный расчет» (*заплатить безналом*), *бутылка* «об одной емкости спиртного (обычно водки)» / «о спиртном» (*дружить с бутылкой*), *бюджетник* «работник сферы (образования, науки, здравоохранения и др.), финансируемой из государственного бюджета» (*зарплата бюджетника*) / «студент, обучение которого в вузе финансируется из государственного бюджета», *географ* «учитель географии»; также помета может встречаться в сочетании с другими пометами: *разг. шутл.* — *везунчик* «человек, которому постоянно везет» и т.д.;

- 2) с пометой *прост.*: *алкаш* «алкоголик, пьяница», *бодун* «похмеле (обычно тяжелое)» (с *большого бодуна*), *бомжатник* «место, где собираются и временно проживают бомжи» / «грязное, запущенное жилище, помещение», *бомжеватый* «похожий на бомжа, свойственный бомжу» (*бомжеватого вида мужчина*), *бомжевать* «вести образ жизни бомжа», *внапряг* «трудно, требует определенных усилий, напряжения», *водяра* «водка» и т.д.; также помета может встречаться в сочетании с другими пометами: *прост. неодобр. бандура* «громоздкий и нескладный предмет» и т.д.;
- 3) с пометой *жарг.*: *башня* «о голове человека», *безбашенный* «безрассудный, бесшабашный» (*безбашенный человек*), *бомбить* «подрабатывать частным извозом», *бухнуть* «выпить спиртного», *глухарь* «преступление, которое трудно или невозможно раскрыть», *грохнуть* «убить, застрелить» и т.д.;
- 4) с пометой *сленг.*: *баксы* «доллары США», *балдеть* «приятно проводить время без определенной цели» / «получать удовольствие, быть в восторге от кого-, чего-л» (*балдеть от фильма*), *въехать* «вникнуть во что-л., понять, сообразить», *вырубить* «сильным ударом привести кого-л. в бессознательное состояние» и т.д.

В соответствии с академической лексикографической традицией различные грамматические формы и сочетаемостные возможности слова, описываемого в АТoCe, иллюстрируются посредством кратких речений и цитат из письменных текстов (прежде всего — из художественной литературы). Единицы сниженных пластов лексики (разговорная речь, просторечие, сленг, жаргон и т.д.), употребляемые преимущественно в устной речи, иллюстрируются в первую очередь цитатами из литературных произведений, реже — краткими речениями, поскольку велик риск зафиксировать в виде речения, представляющего собой относительно устойчивое, употребительное сочетание, искусственное, не свойственное данной подсистеме выражение; в этом отношении цитаты служат более надежным гарантом достоверности представляемой в словаре информации. Однако вызывает вопрос то, что факты устной речи в словарях иллюстрируются письменными — художественными, публицистическими и т.д. — текстами, которые, как водится, создаются при помощи средств кодифицированного литературного языка (ср.: «Следует признать некоторую противоречивость лексикографического описания стилистических помет *разг.* и *прост.* с точки зрения их употребления преимущественно в непринужденной устной речи: ведь основную часть иллюстративных примеров в нормативных толковых словарях составляют цитаты из художественной литературы, научных текстов и публици-

стики [Пестова, 2020, с. 54–55]). Думается, что подобный, небесспорный способ иллюстрирования сниженных лексических единиц является своего рода компромиссом. С одной стороны, это позволяет избежать попадания в нормативный словарь примеров, в которых могут содержаться лексические единицы или грамматические конструкции, нарушающие норму кодифицированного языка: вполне закономерно, что текст словаря, служащего источником литературной нормы, должен быть безупречным в языковом отношении, наличие ошибок, языковых шероховатостей в академическом нормативном словаре едва ли послужит повышению а) речевой культуры читателя, б) уровню доверия словарю. (Разумеется, это не говорит о том, что все без исключения словари, издаваемые под грифом РАН, должны включать только литературные текстовые примеры; содержание зависит от специфики словаря. Так, в издаваемом в ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН «Толковом словаре русской разговорной речи» под ред. Л. П. Крысина (далее — ТСРР) в качестве иллюстраций широко привлекаются тексты из устного корпуса Национального корпуса русского языка, различные записи устной речи, словом, тексты, которые могут показаться читателю-пуристу неграмотными и недопустимыми в словаре. Однако ТСРР не является нормативным словарем, он носит характер дескриптивного (что важно, не прескриптивного!) лексикографического издания.) С другой стороны, нельзя утверждать, что художественная, публицистическая литература и устная речь прямо противопоставлены и не пересекаются: к примеру, прием стилизации активно используется в художественной литературе с давних времен, а сознательно употребленное в публицистическом тексте сниженное слово может служить для достижения определенной коммуникативной цели.

В любом случае иллюстрирование сниженной лексики литературными примерами, равно как и сам по себе факт отражения словарем такой лексики, не нарушает традиций толковой лексикографии. Важно подчеркнуть, что иллюстративная зона словарных статей, описывающих лексику некодифицированных подсистем русского языка, должна являть собой средоточие аргументов (аргументами служат сами текстовые иллюстрации), доказывающих справедливость включения в словарь данного слова сниженной окраски.

Обратимся к материалу АТоСа. Словарная статья, описывающая употребительное в разговорной речи слово *встречка*, выглядит следующим образом:

ВСТРЁЧКА, *-и, ж.* Разг. Сторона дороги, предназначенная для встречного движения. *Езда по встрече.* □ *Тот парень, что в аварии виноват, умудрился при обгоне еще и выйти на встречу.* Д. Губин. Жизнь в про-

тивотоке. *Неопытный водитель нажал на тормоз и потерял управление, автомобиль беспомощно вихляет со своей полосы на встречку, обратно, и снова через двойную сплошную.* А. Архангельский. 1962. Послание к Тимофею [АТос-2, 2016, с. 228].

Слово иллюстрируется речением *езда по встречке* и цитатами из произведений современных писателей («1961. Послание к Тимофею» А. Архангельского — издано в 2006–2007 гг.; «Жизнь в противотоке» Д. Губина — 2013).

Современными литературными примерами («Бунташный остров» Ю. Нагибина — 1994; «Ликвидаторы» А. Волкова — 2001) иллюстрируется и регулярно употребляемое в экспрессивной речи просторечное слово *амбал*:

АМБАЛ, -а, м., одуш. Прост. Большой и сильный мужчина, обычно грубый и не развитый интеллектуально. *Пашка не ошибся: прислал три амбалов, похоже, из лагерной вохры, на возраст, но здоровенных.* Ю. Нагибин. Бунташный остров. *Там такой амбал при входе стоит, что тебе никакое фехтование не поможет.* А. Волков. Ликвидаторы [АТос-1, 2016, с. 81].

Обратимся к словарной статье, описывающей часто встречающееся в непринужденной речи носителей языка (в особенности — молодых) слово *бабки*:

БА́БКИ, -б о к, мн. Жарг. То же, что д е н ь г и. *Заколачивать бабки. Вложить кучу бабок во что-л. Бабок не хватает.* □ *Краб сразу перешел к делу: — Бабки есть? — Какие у меня бабки! — уклончиво ответил Томас.* В. Левашов. Заговор патриота. — *Думаешь, очень приятно за тобой подтирать? — А это твоя работа, — назидательно растягивая слова, заявил он. — Тебе за это бабки платят.* А. Берсенева. Поет над разлукой.

◇ **Делать бабки** (жарг.) — зарабатывать деньги, обычно в большом количестве. [Там же, с. 138].

Как видно, слово *бабки* снабжено пометой *жарг.*, иллюстрируется тремя речениями (что косвенно свидетельствует об употребительности этого слова в речи) и цитатами из произведений современных писателей («Заговор патриота» В. Левашова — 2000; «Поет над разлукой» А. Берсеновой — 2003–2005). Отметим, что в словарной статье выделено жаргонное идиоматическое выражение *делать бабки*, это говорит о том, что слово активно функционирует в живой речи, образуя при этом устойчивые лексико-синтаксические связи.

В словарной статье, представляющей многозначное слово *вырубить*ся, выделено сленговое значение:

ВЫРУБИТЬСЯ, -б л ю с ь, -б и ш ь с я; сов. (несов. вырубаться).

<...>

3. Сленг. Перестать на время воспринимать окружающее (крепко уснув, потеряв сознание и т. п.). *Он упал вперед и чуть влево... Замер ослабленно, голова не поднималась, и я понял, что на какие-то минуты он вырубился.* В. Богомолов. Момент истины. Я хорохорился под местной анестезией, шутил с врачешкой, потом скосил глаза, увидел входящий в меня синеватый скальпель, услышал хруст — и потерял сознание. Тогда еще говорили «отключился», а не «вырубился»... А. Кабаков. Последний герой. Он мог вырубиться, как рубильник, на двадцатом часе труднейшей работы, вырубиться, уснуть на месте. Г. Щербакова. Армия любовников. [АТос-2, 2016, с. 372].

Актуальность выделенного в АТосе сленгового значения подтверждается цитатами из современной литературы (причем, судя по примерам, слово в данном значении употребляется уже на протяжении нескольких десятилетий: «Момент истины» В. Богомолова — 1973; «Последний герой» А. Кабакова — 1994–1995; «Армия любовников» Г. Щербаковой — 1997).

Рассмотренные выше словарные статьи АТоса, представляющие лексикографическое описание слов сниженной стилистической окраски (элементов разговорной речи, просторечия, жаргона, сленга), как кажется, наглядно демонстрируют необходимость отражения таких единиц. Едва ли можно считать достоверным и актуальным содержание лексикографического пособия, игнорирующего целые пласты лексики. Важно помнить, что сам факт включения в словарь академического словаря сниженных лексических единиц не должен восприниматься пользователями словаря как акт признания этих слов нормативными, соответствующими литературной норме, ведь словарь располагает таким уникальным инструментом, как разветвленная система помет, которые могут предупреждать (сообщать о функциональной ограниченности данного слова или значения) или даже запрещать использование некоторых языковых средств. Думается, что на фоне сниженной лексики более отчетливо проступает лик языка кодифицированного, нормированного, более четко очерчиваются границы языка литературного, образцового.

Еще одним аргументом в пользу словарного описания сниженных слов является то, что словарь может отражать динамику непрерывных стилистических процессов, ведь границы между подсистемами русского языка весьма подвижны, элементы разных лексических пластов взаимодействуют друг с другом. Так, авторским коллективом АТоса было проведено исследование, посвященное стилистической стратификации лек-

стики современного русского языка и проблемам ее отражения в толковом словаре⁹; обследовались различные группы слов, в том числе разговорная лексика просторечного происхождения. Исследование показало, что значительная часть слов, в МАСе снабженных пометой *прост.*, постепенно расширила свои функциональные возможности, многие из просторечных (по МАСу) слов повысили свой стилистический статус в связи с широкой употребительностью их в разговорной речи (более подробно об исследовании — в [Шестакова, Кулева, 2019; Кулева, Шестакова, 2019; Пестова 2019; Базаров и др., 2021; Кулева, Шестакова, 2021]).

Из *прост.* в *разг.* перешли, например, слова: *бедолага*, *бзик*, *болтаться* «проводить время зря», *вертихвостка*, *высоченный*, *дрейфить*, *жадина*, *заварка* «заваренный, настоявшийся чай», *залезть* «надеть на себя что-л.» (ср.: *залезть в халат*), *ляпнуть* «сказать что-л. необдуманно, бестактно, некстати», *маета*, *мазать* «делать промахи», *мальшня*, *мастак*, *махнуть* «отправиться, поехать куда-л.», *мелочиться*, *мельтешишь*, *мерзляк*, *мерзлячка*, *мода* «обыкновение, привычка» (ср.: *Дети завели моду дерзить старшим*), *мореходка* «мореходное училище», *морока*, *мотаться* «проводить время в беготне, хлопотах, утомительных занятиях и т. п.», *мягчить* «становиться добрым, спокойным или менее суровым» и др. Думается, академический словарь, отражающий актуальные стилистические процессы, происходящие в сниженных пластах лексики, поможет носителю языка — пользователю словаря составить мнение о функциональных возможностях того или иного слова, определить стилистический статус единицы и, быть может, смелее использовать те языковые элементы, которые прежде оценивались им как грубые, просторечные и, соответственно, нежелательные.

II. До сих мы рассматривали проблему отражения сниженной лексики на примере толкового академического словаря. Однако нередко о недопустимости отражения такой лексики говорят и в применении к академическим орфографическим словарям. Рассмотрим этот вопрос на примере академического «Русского орфографического словаря» (далее — РОС) под ред. В. В. Лопатина¹⁰.

⁹ Исследование проводилось в рамках проекта РФФИ № 17–29–09063 офи_м «Стратификация лексики современного русского языка и ее отражение в толковом словаре» (руководитель проекта Л. Л. Шестакова). Страница проекта: <https://ruslang.ru/rffi-stratifikaciya-leksiki-sovremennogo-russkogo-yazyka>.

¹⁰ Материалы РОСа, которыми мы оперируем в статье, почерпнуты с сайта орфографического академического ресурса «Академос», который соответствует нормам академического РОСа (2012) и является официальной публикацией ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН. Ссылка на сайт: <https://orfo.ruslang.ru/>.

В предисловии к 1-му изданию РОСа (1999) указано: «Новый „Русский орфографический словарь“, являясь нормативным справочником для самого широкого круга пользователей, отражает лексику русского литературного языка середины 90-х годов XX века. Наряду с активной общеупотребительной лексикой в словарь включаются **просторечные, диалектные (областные), жаргонные** (выделено нами. — Е. Б.), устаревшие слова, историзмы — в той мере, в какой эти категории слов отражаются в художественной литературе, в газетно-публицистической и разговорной речи» (цит. по: [РОС, 2013, с. 5]). В первых изданиях РОСа для маркирования элементов сниженных пластов лексики применялись такие дифференцирующие нормативно-стилистические пометы, как *разг.*, *прост.*, *обл.*, *жарг.* и пр. (как и в толковой лексикографии). Однако в одном из последних, 4-м издании, составители РОСа отказались от данных помет, заменив их общей пометой *сниж.* Такое решение объясняется следующим образом: «По мнению составителей и редакторов, рациональное и отвечающее сущности орфографического словаря решение состоит **в отказе от широкого применения стилистических помет** (здесь и далее выделено нами. — Е. Б.) с тем, чтобы перенести акцент с демонстрации нормативного словоупотребления на показ нормативного написания. Именно поэтому в словарь в новом издании была введена новая **недифференцирующая помета *сниж.***, приписываемая просторечным, жаргонным и грубо-просторечным словам, словам, для которых зачастую трудно с уверенностью установить стилистическую характеристику, например, *валютка, встреча, однушка, озвучка, академка* — разговорные или просторечные? *виповоз, кавер, кепор, налик, неуставняк, подсознанка, задрыга* — жаргонные или просторечные?» [Иванова, 2014, с. 36]. Маркирование элементов разных подсистем русского языка (ср.: *бабло, водила, в отключке, всехний и всехный, гуглить, джинса, динамить, жлоб, жмот, картоха* и проч.) общей пометой *сниж.* кажется нам вполне оправданным: для жанра орфографического словаря (в отличие от толкового) детальное разделение сниженной лексики на группы не является существенной и первостепенной задачей.

В своих научных работах составители РОСа более подробно (в сравнении с информацией, содержащейся в предисловии к 1-му изд.) и четко обозначают свою позицию относительно представления в словаре элементов некодифицированных подсистем: «РОС — это академический словарь, в котором **критерии орфографической нормативности** (здесь и далее выделено нами. — Е. Б.) распространяются **на функционально и стилистически разнородные массивы** русской лексики и фразеологии: это **не словарь узко понимаемого письменного ли-**

литературного языка (данная проблема дискуссионна, поскольку существует мнение, что орфографическая кодификация может применяться только к лексике литературного языка). РОС нацелен на отражение всех категорий лексики, которые обслуживают интересы классической и современной художественной, публицистической, деловой и профессиональной литературы, лексика которых зачастую употребляется за пределами своих специфических текстов» [Бешенкова, Иванова, 2018, с. 473]. Стремление составителей РОСа кодифицировать самые разные пласты лексики, в том числе и сниженные, можно, как кажется, по праву считать оправданным: вероятно, каждый человек, работающий со словом, рано или поздно вставал перед необходимостью передать на письме то или иное слово сниженной стилистической окраски, и РОС может помочь с этим.

Какие же доводы могли бы привести оппоненты, не разделяющие мнения составителей РОСа? Обратимся к работе, в которой критикуется позиция составителей РОСа относительно словарного представления сниженной лексики: «Включение данных образований (лексем сниженной стилистической окраски, в том числе и слов типа *по фигу*, *на фиг* и т. п. — Е. Б.) в словари и правила русского языка создает иллюзию того, что письменной фиксации поддается любое слово русского языка, главное, чтобы оно было написано так, как в словаре. Тем самым мы размываем веками сложившуюся грань письменной и устной речи, декларируем, что нормы культуры письменной речи разрушены» [Николенкова, 2011, с. 182–183]. Далее автор статьи объясняет, почему в принципе элементы некодифицированных подсистем нежелательно включать в академический орфографический словарь: «Переход с устной речи на письменную требует перехода на другой способ оформления высказываний. Пишущий знает это и считается с таким требованием. Нормализуя орфографическое оформление любого возможного в устной речи словоупотребления, мы тем самым даем носителю языка понять, что следить за выбором слова в письменной речи сегодня не очень важно» [Там же, с. 143]. Однако обратиться к орфографическому словарю с целью уточнить облик того или иного, например, просторечного слова может не только человек, не заботящийся о культуре своей речи и нарушающий нормы литературного языка (скорее всего, такой человек вовсе и не подумает уточнять информацию в словаре), но и, например, корректор издательства, вычитывающий текст художественного произведения, автор которого стилизует разговорную, просторечную, жаргонную речь; едва ли корректора можно обвинить в том, что он не следит за выбором слова в письменной речи.

Думается, что к процессу фиксации академическим орфографическим словарем сниженной лексики не следует относиться как к чему-то деструктивному; напротив, словарь помогает упорядочить ту область письма (и действительности), которая прежде игнорировалась лингвистами. Регистрируя языковые элементы, функционирующие в непринужденной разговорной речи, просторечии, жаргонах и т. д., академический орфографический словарь тем самым удовлетворяет культурные потребности, существующие в обществе. Приведем лишь один пример. Не так давно в Справочную службу русского языка ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН поступил письменный запрос: гражданин, к слову — учитель основной школы, попросил дать ответ на вопрос, который ему задали учащиеся: каким образом на письме должно быть оформлено стилистически сниженное вопросительное местоимение *чѐ* — *чо* или *чѐ*? Учитель признается, что этим вопросом ученики поставили его в тупик, и пишет: «Как мне казалось всегда, правильно „чо“, т. к. это производная от „что“. Но, посмотрев в Интернете, я нашел и другое обоснование: „чѐ“, т. к. это форма местоимения „чего“. А компетентного регулирующего правила нигде не значится». Вполне однозначный ответ на данный вопрос содержится в РОСе: «*чѐ* (вместо чего́, при передаче прост. произношения)»¹¹. Ссылка на такое авторитетное научное издание, как РОС, удовлетворила гражданина. Думается, регистрация в РОСе слов сниженной стилистической окраски нужна прежде всего для решения подобных, весьма неоднозначных вопросов.

Важно подчеркнуть, что фиксация сниженных лексем в орфографическом словаре, как и в случае с толковым, не означает утверждение их в качестве нормативных: в РОСе активно используется нормативно-стилистическая (ограничительная) помета *сниж.*, а также комбинированная помета *нарочито-сниженное* и *прост.* в словарных статьях: *да́ден*, -а, -о (*нарочито-сниженное* и *прост.* к дан, дана́, дано́, от дать); *де́ло*, -а, *мн.* дела́, дел и (*нарочито-сниженное* и *прост.*) дело́в (всего́-то и дело́в, то́лько и дело́в), -а́м; *расе́йский* (от Расе́я — *нарочито-сниженное* и *прост.* к Росси́я)¹².

III. Включение в академические нормативные (в нашем случае — толковый и орфографический) словари лексических единиц сниженной стилистической окраски в первую очередь соотносится с давней традицией академической толковой лексикографии, оно целесообразно и оправданно, по крайней мере, самой целью данного лексикографического пособия: словарное описание лексики современного русского литератур-

¹¹ <https://orfo.ruslang.ru/>

¹² Там же.

ного языка не может быть признано полным и более или менее исчерпывающим, если словарем игнорируются целые пласты функционально ограниченных, но при этом употребительных слов.

Отражение стилистически сниженной лексики в академических словарях является скорее закономерностью, продиктованной развитием самого языка. Границы литературного языка очерчиваются более четко именно в сравнении с некодифицированными подсистемами, на их фоне (как бы парадоксально это ни казалось противникам идеи введения сниженной лексики в академический словарь), что может способствовать повышению культуры речи читателя. Исключение сниженных единиц из состава словаря неминуемо приведет к тому, что представленный в нем материал будет в значительной степени фрагментарным, такой словарь нельзя будет назвать актуальным и отражающим современное состояние языка. Включение в академический словарь сниженной лексики ценно еще и потому, что такой словарь отражает активные языковые, стилистические процессы, происходящие в лексике, и удовлетворяет культурные запросы носителей языка, расширяя их познания о языке.

Подчеркнем также мысль, неоднократно высказанную в рамках настоящей статьи: сам факт включения в академический словарь стилистически сниженных слов не является утверждением этих единиц в качестве нормативных, ведь в словарях используется разветвленная система помет, в числе которых есть и ограничительные (запретительные) пометы, они сигнализируют читателю о том, что данное слово находится на границе или за рамками литературного языка.

Библиографический список

- АТoS-1 — Академический толковый словарь русского языка. Т. 1. М., 2016.
АТoS-2 — Академический толковый словарь русского языка. Т. 2. М., 2016.
Базаров Е. Е. и др. Стилистически сниженная лексика в современном толковом словаре: изменения в употреблении просторечной лексики // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 1.
Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Аспектное описание русской орфографии. М., 2018.
Иванова О. Е. Лексикографическая концепция «Русского орфографического словаря» // Русская речь. 2014. № 2.
Круглов В. М. и др. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка. СПб., 2015.
Кулева А. С., Шестакова Л. Л. Изменения в стратификации сниженной лексики (из опыта работы над «Академическим толковым словарем русского языка») // Русский язык: Исторические судьбы и современность. М., 2019.

Кулева А. С., Шестакова Л. Л. Просторечная лексика в динамике ее словарного описания // *Русская речь*. 2021. № 3.

Николенкова Н. В. Орфографический словарь и кодификация современной нормы: проблемы несогласованности // *Вопросы культуры речи*. М., 2011.

Пестова А. Р. Стилистические процессы в лексике и их отражение в словарях (на примере пометы *прост.* в академических толковых словарях) // Семантика и прагматика языковых единиц. Материалы Международной научной конференции. Калуга, 2019.

Пестова А. Р. О некоторых проблемах стилистической квалификации слов в толковых словарях // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2020. Т. 79. № 5.

РОС — Русский орфографический словарь: около 200 000 слов. М., 2013.

Сорокин Ю. С. О нормативно-стилистическом словаре современного русского языка // *Вопросы языкознания*. 1967. № 5.

СУш — Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1935–1940.

Цумарев А. Э. и др. «Академический толковый словарь русского языка»: традиционное о новое // *Известия РАН. Серия литературы и языка*. 2017. Т. 76. № 5.

Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Повышение стилистического статуса сниженной лексики и его отражение в толковом словаре // *Настоящее и будущее стилистики*. М., 2019.

Список источников

Ушаков Д. Н. Вокруг «Толкового словаря» // *Литературная газета*. № 63 (554), 1935.

Казимирский К. Аптекарь М. «Игруны» // *Литературная газета*. № 58 (549), 1935.

Орфографический академический ресурс «Академос». URL: <https://orfo.ruslang.ru/>

References

AToS-1 — *Akademicheskii tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 1. Moscow, 2016.

AToS-2 — *Akademicheskii tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. [Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Vol. 2. Moscow, 2016.

Bazarov E. E., i dr. *Stilisticheski snizhennaya leksika v sovremennom tolkovom slovare: izmeneniya v upotreblenii prostorechnoy leksiki*. [Substandard Vocabulary in the Modern Explanatory Dictionary: Changes in the Use of Vernacular Lexeme]. In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. [Bulletin of the

Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021. T. 80. No. 1.

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. *Aspektnoe opisanie russkoy orfografii*. [Aspect description of Russian Orthography]. Moscow, 2018.

Ivanova O. E. *Leksikograficheskaya kontseptsiya «Russkogo orfograficheskogo slovarya»*. [The lexicographic concept of the Russian Orthographic Dictionary]. In: *Russkaya rech'*. [Russian Speech]. 2014. No. 2.

Kruglov V. M. i dr. *Normativno-stilisticheskie pomety v tolkovykh akademicheskikh slovaryakh russkogo yazyka*. [Normative-Stylistic Marks in the Explanatory Academic Dictionaries of the Russian Language]. St. Petersburg, 2015.

Kuleva A. S., Shestakova L. L. *Izmeneniya v stratifikatsii snizhennoy leksiki (iz opyta raboty nad «Akademicheskim tolkovym slovarem russkogo yazyka»)*. [Changes in the Stratification of Low Vocabulary (From Experience of Working on the «Academic Dictionary of the Russian Language»)]. In: *Russkiy yazyk: Istoricheskie sud'by i sovremennost'*. [Russian Language: Historical Fates and the Present]. Moscow, 2019.

Kuleva A. S., Shestakova L. L. *Prostorechnaya leksika v dinamike ee slovarnogo opisaniya*. [Substandard Lexis in the Dynamics of Its Dictionary Description]. In: *Russkaya rech'*. [Russian Speech]. 2021. No. 3.

Nikolenkova N. V. *Orfograficheskii slovar' i kodifikatsiya sovremennoy normy: problemy nesoglasovannosti*. [Orthographic dictionary and codification of the modern norm: problems of inconsistency]. In: *Voprosy kul'tury rechi*. [Questions of culture of speech]. Moscow, 2011.

Pestova A. R. *Stilisticheskie protsessy v leksike i ikh otrazhenie v slovaryakh (na primere pomety prost. v akademicheskikh tolkovykh slovaryakh)*. [Stylistics Processes in Vocabulary and Their Reflection in Dictionaries (On the Example of the Mark «Vernacular» in Academic Explanatory Dictionaries)]. In: *Semantika i pragmatika yazykovykh edinits*. [Semantics and Pragmatics of Language Units]. Kaluga, 2019.

Pestova A. R. *O nekotorykh problemakh stilisticheskoy kvalifikatsii slov v tolkovykh slovaryakh*. [On Some Problems of Stylistic Qualification of Words in Explanatory Dictionaries]. In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2020. Vol. 79. No. 5.

ROS — *Russkiy orfograficheskii slovar'»: okolo 200 000 slov*. [Russian Orthographic Dictionary: about 200 000 words]. Moscow, 2013.

Sorokin Yu. S. *O normativno-stilisticheskom slovare sovremennoy russkogo yazyka*. [On the Normative-Stylistic Dictionary of the Modern Russian Language]. In: *Voprosy yazykoznaneya*. [Topics in the Study of Language]. 1967. No. 5.

SUsh — *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. [Explanatory Dictionary of the Russian Language:]. In 4 Vols. Moscow, 1935–1940.

Tsumarev A. E. i dr. «*Akademicheskij tolkovyy slovar' russkogo yazyka*»: *traditsionnoe o novoe*. [«Academic Explanatory Dictionary of the Russian Language»: the Traditional and the New]. In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2017. Vol. 76. No. 5.

Shestakova L. L., Kuleva A. S. *Povyshenie stilisticheskogo statusa snizhennoy leksiki i ego otrazhenie v tolkovom slovare*. [Stylistic Status Upgrade of Low Vocabulary and Its Reflection in the Explanatory Dictionary]. In: *Nastoyashchee i budushchee stilistiki*. [The Present and the Future of Stylistics]. Moscow, 2019.

List of sources

Ushakov D. N. *Vokrug «Tolkovogo slovarya»* [Around the Explanatory Dictionary]. *Literaturnaya gazeta*. [Literary newspaper]. No. 63 (554), 1935.

Kazimirskiy K., Aptekar' M. «*Igruny*» [Players]. *Literaturnaya gazeta* [Literary newspaper]. No. 58 (549), 1935.

Orfograficheskij akademicheskij resurs «Akademos». [Orthographic academic resource «Academos». URL: <https://orfo.ruslang.ru/>.